

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

Автор этот пока не дал никакого предисловия и, вообще, никакого текста, по которому можно было бы проследить ход его идей и дела. Известно пока лишь, что он тоже коллекционер, ибо среди воспроизведенных вещей некоторые помечены его именем. Издание, очевидно, не закончено, и надо надеяться, что всё нужное будет восполнено по его окончании.

Единственным текстом среди ста альбомных репродукций являются сопроводительные к ним — также на особых, отдельных листах in folio — указания, дающие измерения, имя коллекционера, сведения о материале и технике данной вещи и ее дату. Последняя дается в виде категорического приговора, наравне с совершенно очевидными прочими признаками вещи, и если она, действительно, правильна, то мы стоим на пороге больших открытий. Однако, пока нет сопроводительных доказательных текстов, дата вещей может быть принята лишь условно, как интуитивная догадка, без научной ценности.

Составитель альбома, очевидно, много потруился над привлечением к общему делу всех любителей китайской и японской керамики, ибо его экспонаты помечены не только Парижем, местом составления альбома, но и Лондоном, Нью-Йорком и т. д. Условия времени и пространства побеждены любовью к вещам и к делу пропаганды этой любви. Остается только удивляться подобной роскоши и проводить за прекрасным зрелищем часы, дни, а может быть, месяцы и года. Если даже никакого больше текста не будет, то и в таком виде вещи говорят сами за себя: простая глина, превратившаяся в художественное произведение, идет к бессмертию.

В. Алексеев

— *Edouard Chavannes*, Membre de l'Institut, Professeur au Collège de France. — De l'expression des vœux dans l'art populaire chinois. — Avec des illustrations. — Aux éditions Bossard. Paris. 1922.

Механическое переиздание статьи покойного синолога, помещенной в «Journal Asiatique» за 1901 г. (Oct. 1901, pp. 193—233) и являющейся, вместе с трудами также покойного Grube¹⁾, наилучшим трудом по китайской символической, очень своевременно и, надо надеяться, возмещает нам близкое переиздание всех его трудов, столь нужных каждому Китаю, как в Европе, так и в Китае. Переиздание этой статьи лишено всякого предисловия, и можно лишь догадываться, что это сделано под давлением музейных деятелей, коллекционеров, историков искусства и им подобных лиц, для которых эта небольшая, но необычайно содержательная статья была совершенно

необходима и в то же время до переиздания недоступна, за малую распространенностью журнала, в котором она была помещена 22 года тому назад.

Переиздание было задумано еще самым покойным синологом, как о том свидетельствует его приписка на стр. 41—43. В ней он дает описание двух народных картин, изображающих самопожертвования к новому году и семье вообще. Очевидно, эта приписка сделана до 1907 года, ибо после этой даты и своей археологической миссии в Китае, покойный Шаванн располагал самостоятельным материалом в этой области, не требующим ссылок на случайного обладателя столь распространенных вещей, ссудившего их автору статьи.

К переизданной статье приложены новые воспроизведения символических благожеланий из парижских музеев (Гимн, Грандидиэ), со ссылками на страницы текста, сделанными также, очевидно, еще самим автором. Эти репродукции очень существенно дополняют графические заставки текста.

В. А.

— *Le Théâtre Chinois. — Peintures, Sanguines et Croquis d'Alexandre Jacovleff. Texte de Tchou-Kia-Kien. — M. de Brunoff, Editeur. Paris, 1922. 4°, pp. 30 + 20 (planches) + 6 (app.).*

Принято думать, — и, между прочим, не без некоторых оснований, — что Китаю и китайскому Европа и европейское противостоят во всех направлениях. Действительно, в течение своей непрерывной и долгой культурной жизни, — притом вечно активной, действующей, а не восприимчивой, — Китай сам ответил на все те вопросы, которые вставали перед многообразными составными частями культурного собирательного, именованного Европой, и, таким образом, его сложный опыт по праву сравним со сложным опытом Европы. Однако, еще правильнее думать, что обособление феномена от сущности, каковым является стремление удалить Китай и китайское на экран перед остающимися во тьме и в нежелании попасть на освещенную полосу зрителями, свойственно лишь эпизодическому зрителю, а истинно человеческое, как всякая сущность, сообщается лишь тому наблюдателю, который уже справился с разграничивающей желтых и белых людей формой, как с иностранным языком, и больше не обращает на «грамматику» внимания.

В области театра столкновения этих двух миров, китайского и общеевропейского, тем сильнее, что театр есть и, повидимому, должен быть сплошной условностью. От этого и происходит наша невосприимчивость к китайскому театру, производящему, обыкновенно, только странное и неприят-

¹⁾ Zur Pekinger Volkskunde. Berlin 1901.